

В. ИВАНОВ

Б. Н. Бугаев и «Realiora»

Прежде, чем взяться за перо, чтобы отклонить какой-либо полемический выпад, против меня направленный, я принципиально решаю, не ниже ли моего писательского достоинства говорить по данному поводу с моим противником, хотя бы лишь для восстановления фактической истины; и соблюдение мною этого правила вознаграждается как выигранным временем, так и спокойствием совести, уже не могущей упрекнуть меня в том, что и я с своей стороны способствовал общей деморализации, порождаемой зрелищем не всегда понятного и часто ничем внутренне не оправданного раздора между теми, родственным стремлениям которых приличнее утверждаться в дурном единении, по завету: «*in necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus caritas*»*. Этим, впрочем, я не хочу сказать, что мое ответное молчание на полемики непременно всегда происходит из применения вышеопределенного принципа: есть противники, как Д. В. Философов, с которыми спорить было бы и приятно, и полезно; в этих, более редких, случаях мое безмолвие объясняется просто убеждением, что время, этот, по Софоклу, «легко совершающий бог», само собою устранил многие из недоразумений, нас разделяющих.

Мой принцип позволяет мне ответить на последний §, именно этот последний, статьи Б. Н. Бугаева «На перевале»; он озаглавил его «Realiora» и разбирает в нем мою публичную лекцию «Две стихии в современном символизме» (или: «Символизм и религиозное творчество»), печатаемую в «Золотом Руне». И даже естественно

* «В необходимом единство, в спорном свобода, во всем любовь» (*лат.*).

мне, в данном случае, еще раз, и притом, конечно в последний раз, публично ответить моему оппоненту, с которым уже приходилось мне дважды спорить во время прений после дважды прочитанной мною лекции (срв. «Религия и Жизнь», стр. 92).

Прежде всего, Б. Н. Бугаев утверждает на страницах «Весов» (№ 5, стр. 58), что я приписал себе нечто, не мне принадлежащее. Однако, — несмотря на неотъемлемое право каждого разъяснять и такие истины, которые найдены не им, — я, при всем желании указать автора изложенной мною литературно-исторической теории, не могу этого сделать иначе, как подписав под ней свое имя, так как приписать другим лицам мысли, от них различествующие, было бы и ложью, и беззаконием. Что же именно я несправедливо приписал себе?

1) Валерий Брюсов, по словам Б. Н. Бугаева, требовал от художника подвига жизни. Того же, прибавлю, требовал, например, и Вл. Соловьев. Если и я высказался, между прочим, в этом смысле, то ведь этот пункт у меня только следствие одной из многих теорем моей теории и никак не ее отправной пункт.

2) «Деятельность Мережковского, поскольку он обращался к искусству, была направлена против иллюзорности и эстетства». Я знаю, что Мережковский их не любит; но это не влияет на мою объективно историческую концепцию о развитии элементов преобразовательного и ознаменовательного в искусстве всех веков и о таком отношении между идеалистическим и реалистическим искусством, при котором первое приобретает преимущественно характер эстетической ценности, а второе является вместе и подготовительным фактором будущего религиозного творчества.

3) Статья самого Б. Н. Бугаева «Апокалипсис в русской поэзии» есть, по его словам, «попытка отметить *ens realissimum* в русской лирике». Но как могу я узнать свою мысль в словах, которые мне непонятны, ибо что значит: «отметить Бога в русской лирике»?.. Я надеюсь, что говорю в своей статье, по крайней мере, нечто более связанное.

4) Тот же автор доказывал, как напоминает он сам, «что символическая драма уже не может быть формой искусства, а есть обряд религиозный». Но я, с своей стороны, ничего подобного не говорю, а ограничиваю свое исследование вопросом об идеализме и реализме в *искусстве*, поскольку первый — ценность только эстетическая, а второй — осуществление, как прежде, или подготовка, как теперь, истинного религиозного *художества*.

5) «Семь лет тому назад мы (?) обсуждали, — говорит Б. Н. Бугаев, — взгляды Вл. Соловьева на искусство, — в то время, когда литературная деятельность уважаемого Вяч. Иванова не была нам известна». В самом деле, моя литературная деятельность началась позднее; Б. Н. Бугаев «обсуждал» взгляды Соловьева тогда; я — между прочим, обсуждаю их теперь. Но из этого не следует, что я повторяю Б. Н. Бугаева.

6) «Еще в 1904 г., — справляется Б. Н. Бугаев, — я писал: истинный символизм совпадает с истинным реализмом». Тогда же и я напечатал в «Весах» статью «Поэт и Чернь» и другие, основную мысль которых моя статья «О Двух Стихиях» только развивает и направляет к дальнейшим выводам. Но что из всего этого? Еще в последних годах XVIII столетия Новалис писал, что поэзия — «das absolut Reelle: jeroetischer, jewahrer»*. Такой реализм знала, впрочем, и *теоретически*, уже средневековая эстетика. А Б. Н. Бугаев думает, что я воспользовался его прозрением!

И вообще, прозрение — вещь ценная, но если оно запутано в сети менее удобоприемлемых умозрений, часто не знаешь, как к нему относиться. Так, после выписанной фразы Б. Н. Бугаев уже невразумительно для меня продолжает: «Глубокий художник не может быть назван ни реалистом, ни символистом в прежнем смысле». Точка зрения моей статьи совершенно иная: истинный символизм есть именно реализм. И далее: «символ, углубленный в расширенном аналогично идее смысле (?), связан с мировым символом». Об этой связи я именно говорю в начале своей статьи, но настолько иначе, что даже слов Б. Н. Бугаева ясно не разумею. «Этот последний, — цитирует себя дальше мой критик, — неизменный фон всяких символов. Таким символом является отношение Логоса к Мировой Душе, как мистическому началу человечества». Для меня Мировая Душа не тождественна с «мистическим началом человечества», а отношение к Ней Логоса уже и не символ вовсе, а само событие. А вот, например, Эрос и Психея на фресках катакомб — реалистический символ, знаменующий отчасти это событие.

Мне непонятно, считает ли Б. Н. Бугаев мои искания аналогичными его исканиям, — и тогда почему он не поправляет меня с своей точки зрения по существу (ибо установить только зависимость моих взглядов от его взглядов ему все равно не удастся, потому что я ничему не учился из писаний его или тех, кто писали

* «Абсолютно реальное: чем более поэтическое, тем более истинное» (нем.).

с ним); или же считает мою теорию, как таковую ложной — и тогда почему пытается указать на аналогии с моими воззрениями у себя и других писателей? Мне теории Б. Н. Бугаева о символизме чужды; неприемлем даже основной его термин: «Символизация действительности». Для меня действительность — уже символ, а не материал, подлежащий какой-то символизации, как методической операции, обещающей в итоге «систему символов», она же для Б. Н. Бугаева есть «религия». Я не могу видеть ни предшественника, ни единомышленника в том, кто одной рукой утверждает «реализм», а другой выделяет гносеологически апробированные «нормы» и шаблоны для идеалистического идолотворчества. Я не знаю, что значит «до времени облечься броней научно-философского мировоззрения своей эпохи, как, напр<имер>, Гёте».

Знаю только, что о Гёте сказана неправда, что у Гёте не было задних мыслей и никакого «до времени», что в науке он был еретик и вместе двигатель, и что, если прикрывал тайну, то делал это в притчах, а не в хитросплетенной и приспособленной *ad usum Delphini** схоластике, маскирующейся *quasi*-философскою неподкупностью строгой мысли. Не мое дело обсуждать, насколько эта «броня» у Б. Н. Бугаева неуязвима, — мне лично кажется, что она напрасно и опасно отягощает его плавание; во всяком случае, я прямо говорю, что думаю, и только недобросовестность может упрекнуть меня в двусмыслии «литературного исповедания моих убеждений». (См. хотя бы статью «Ты еси», в «Золотом Руне» 1907 г., VIII–IX.)

Что касается сравнительной степени «realiora» (заголовок полемики), которая не нравится моему оппоненту тем, что она — сравнительная степень, а не превосходная — то это только прискорбный промах критика *in rebus mysticis*** . *Res realissima* есть *Ens realissimum*, в единственном числе. Художник восходит, а *realibus ad realiora*.

Выходки полемические не подлежат ответу, в силу высказанного в начале статьи моего принципа. Остается сделать несколько поправок. Ложно приписана мне мысль, что мелодия идеалистична, — когда я смотрю на унисонную мелодию, как на энергичнейшее проявление реализма в музыке. О правом дионисийском «как» (противиться которому, из слепого страха пред стихией Диониса, значит «прати противу рожна») в данной статье я ничего не говорю,

* «Для пользования дофина» (т. е. выхолощенной) (*лат.*).

** «В делах мистических» (*лат.*).

ибо она посвящена исключительно отношению художника к *res*. Наконец; надлежит отметить одну гипотезу Б. Н. Бугаева, которая ставит *accent aigu** над всем его обличением. Статья моя носит, по его мнению, «характер платформы, которую автор выдвигает против таинственных символистов иллюзионистов, для приличия названных идеалистами; всякий, следивший за полемикой последних лет в лагере символистов, без труда подставит имена этих иллюзионистов». Должно быть, не следил я за этой полемикой, потому что поставить имена не умею. Пусть подскажет их мой критик; тогда я скажу, согласен ли с ним. Прежде всего, я вовсе не полемист; и скрывать что бы то ни было мне просто не за чем. Слово «мы» для критика имеет неизвестное мне собирательное значение; в моей же статье — значение «я». Говорю же я о двух стихиях в символизме как о двух сопричастующих в новом творчестве началах, подлежащих расторжению. Если бы необходимо было указать, в чьем творчестве я вижу большее тяготение к тому или к другому полюсу, я отвечал бы гадательно. В Бодлэре, например, вижу и то и другое начало представленными параллельно. В Верлэне и Гейсмансе усматриваю преобладание реализма. Это не значит, что по этому одному Верлэн — бóльшая эстетическая ценность, чем Бодлэр; эстетическая ценность определяется иначе.

В Стефане Георге сильно идеалистическое начало; в Ибсене — реалистическое. Ход Ницше — от реализма к идеализму. У нас Андрей Белый, как поэт, хочет реализма и не может преодолеть идеализм. Блок, напротив, отвращается от реализма. У Кузмина реализм естествен и дается сам собою, потому что он просто и наивно религиозен. В Брюсове оба начала сосуществуют, как в Бодлэре; но в глубине своей он тяготеет к реализму; вообще же до сих пор внутренний человек в нем не определился, почему художник в нем так энергично устремился к законченности формальной. Впрочем, повторяю, это все личные догадки, или гадания, и потому сообщаю их вне рамок своей статьи. Думает ли все еще мой критик, что я преследую какую-то тенденцию какого-то кружка? *Dixi ego***.

1908

* «Острый акцент» (фр.).

** «Сказал (именно) я» (лат.).